

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Индивид, общество и государство

Эмма Гольдман

1940

Эмма Гольдман
Индивид, общество и государство
1940

Скопировано 02.11.2016 с <http://avtonom.org/news/emma-goldman-individ-obshchestvo-i-gosudarstvo>

ru.theanarchistlibrary.org

Умы людей в смятении, так как, кажется, что качается самый фундамент нашей цивилизации. Люди теряют веру в существующие учреждения, а наиболее сообразительные понимают, что капиталистический индустриализм работает против целей, которым он, якобы, служит... Мир не уверен в выборе путей выхода. Парламентаризм и демократия переживают упадок. Спасение усматривается в фашизме и других формах «сильного» правительства. Борьба противоположных идей, происходящая сейчас в мире, включает общественные проблемы, требующие немедленного решения. Благоденствие индивида и судьба человеческого общества зависят от правильного ответа на те вопросы. Кризис, безработица, война, разоружение, международные отношения и т.п. – среди тех проблем.

Государство, правительство с его функциями и властью, является сейчас объектом живого интереса для каждого мыслящего человека. Политическое развитие во всех цивилизованных странах принесло этот вопрос в дом. Должны

ли мы иметь сильное правительство? Предпочтительнее ли демократия и парламентское правление, или фашизм того или иного толка; диктатура — монархическая, буржуазная или пролетарская — является ли решением для болезней и трудностей, навалившихся сегодня на общество?

Иными словами, лечить ли нам болезни демократии ещё большей демократией, или мы должны разрубить гордиев узел народного правления мечом диктатуры?

Мой ответ: ни то, ни другое. Я против диктатуры и фашизма, равно как я против парламентских режимов и так называемой политической демократии.

Нацизм справедливо называют атакой на цивилизацию. Эта характеристика применима также и ко всякой форме диктатуры; в самом деле, ко всякому угнетению и принудительному авторитету. Ибо что такое цивилизация на самом деле? Весь прогресс, в сущности, был расширением свобод индивида с параллельным сокращением авторитета, наложенного на него внешними силами. Это подходит как к сфере физического, так и к политическому и экономическому существованию. В физическом мире человек дошёл до того предела, когда он подчинил силы природы и заставил их служить ему. Примитивный человек вступил на дорогу прогресса, когда он впервые зажёл огонь и так победил тьму, когда он заковал ветер и обуздал воду.

Какую роль играл авторитет или правительство в человеческом стремлении к улучшению, в изобретении и открытиях? Вообще никакой, или, по крайней мере, никакой полезной. Это всегда был индивид, который создавал каждое чудо в этой сфере, и обычно супротив запретов, преследований и вмешательств авторитетов, человеческих или божественных.

Подобным же образом, в политической сфере путь прогресса лежит во всё большем удалении от авторитета пле-

Из всех общественных теорий лишь анархизм стойко утверждает, что общество существует для индивида, а не индивид для общества. Единственная легитимная цель общества — это служить целям и быть площадкой для амбиций индивида. Политические партии и люди, по-дикарски дерущиеся за власть, заклеят меня как безнадёжно отставшую от времени. Я радостно принимаю обвинение. Мне приятна уверенность, что их истерика лишена долговременного качества. Их ликование краткосрочно. Человеческое стремление к освобождению от всех авторитетов и властей никогда не успокоится их фальшивыми песнями. Желание человека освободиться от всяческих оков вечно. Оно должно и будет существовать дальше.

Перевод с английского Ndjera.

менного вождя или клана, от князя и короля, от правительства, от государства. Экономически, прогресс означал всё большее довольство для всё большего количества людей. В культурном плане, он обозначал результат всех других достижений – большую независимость, политически, умственно и психически.

Смотря под этим углом, проблемы отношения человека и государства приобретают совершенно иное значение. Это больше не является вопросом того, предпочтительнее ли диктатура демократии или лучше ли итальянский фашизм гитлеризма. Встаёт более широкий и жизненный вопрос: полезные ли политическое правительство, государство, человечеству, и как оно влияет на человека в общественном контексте?

Индивид есть истинная реальность в жизни. Космос в себе, он существует ни для государства, ни для абстракции, называемой «обществом» или «нацией», которые лишь собрания индивидов. Человек, индивид всегда был и необходимо является единственным источником и мотивом силы эволюции и прогресса. Цивилизация была постоянной борьбой индивида или групп индивидов против государства и даже против «общества», т.е. против большинства, подчинённого или загипнотизированного государством и обожанием государства. Величайшие битвы человека велись против созданных людьми препятствий и искусственных помех, накладываемых на него, чтобы парализовать его рост и развитие. Человеческая мысль всегда искажалась традицией и привычкой, и извращённым неверным образованием в интересах тех, кто обладал властью и наслаждался привилегиями. Иными словами, государством и правящими классами. Этот постоянный неразрешимый конфликт был историей человечества.

Индивидуальность можно описать как сознание индивидом того, чем он является и как он живёт. Оно присуще

каждому человеческому существу и может расти. Государство и социальные институты приходят и уходят, но индивидуальность остаётся и продолжается. Самая сущность индивидуальности — это выражение; чувство собственного достоинства и индивидуальности — это почва, на которой она (индивидуальность) процветает. Индивидуальность — это не та безличная и механическая вещь, как то, что считает «индивидуальностью» государство. Индивидуальность — это не просто результат наследственности и окружения, причины и следствия. Это и результат и нечто куда большее, кое-что кроме. Живого человека невозможно определить, он — фонтан всей жизни и всех ценностей, он не является частью того или иного, он — целое, индивидуальное целое, растущее, изменяющееся, но всегда постоянное целое.

Индивидуальность не следует путать с различными идеями и концепциями индивидуализма; менее всего с идеями этого «безоглядного индивидуализма», который является всего лишь замаскированной попыткой угнетения и упразднения индивида и его индивидуальности. Так называемый индивидуализм есть общественный и экономический *laissez faire*: эксплуатация масс классами при помощи легальных уловок, умственного подрыва и систематической индоктринации услужливого духа, процесс которого известен как «образование». Этот коррумпированный и извращённый «индивидуализм» является смиренной рубашкой для индивидуальности. Он превратил жизнь в унижительную гонку за внешним, за владениями, за социальным престижем и превосходством. Его наивысшая мудрость звучит как «дьявол заберёт последнего».

Этот «безоглядный индивидуализм» неизбежным образом привёл к величайшему рабству современности, дичайшим классовым различиям, приведшим миллионы к черте бедности. «Безоглядный индивидуализм» означал

Было бы безнадежным и бесполезным пытаться уравнивать один фактор другим в человеческом опыте. Ни один отдельный фактор в сложном общественном или индивидуальном поведении не может быть определён как фактор важнейшего качества. Мы знаем слишком мало и, возможно, никогда не будем знать достаточно, о человеческой психологии, чтобы взвесить и измерить относительные величины того или иного фактора при определении человеческого поведения. Формировать подобные догмы в их общественной коннотации не далеко от лицемерия; хотя, возможно, в этом есть своя польза, т.к. каждая попытка это сделать доказывала лишь сопротивление человеческой воли и путала марксистов.

К счастью, даже некоторые марксисты начинают понимать, что не всё в порядке с Марксовым учением. В конце концов, Маркс был человеком, слишком человеком, т.е. ни в коем случае не непогрешимым. Практическое применение экономического детерминизма в России помогает просветить умы более разумных марксистов. Это можно рассматривать как переоценку марксистских ценностей, происходящую в рядах социалистов и даже коммунистов в некоторых европейских странах. Они медленно понимают, что их теория забыла человеческий элемент, Человека, как это называет газета «Социалист». Сколь важным бы ни был экономический фактор, этого недостаточно. Омоложение человечества нуждается во вдохновении и в придающей энергии силе идеала.

Такой идеал я вижу в анархизме. Для ясности: не в общепринятых неверных интерпретациях анархизма, распространяемых почитателями государства и авторитета. Я имею в виду философию нового общественного порядка, основанную на освобождённых энергиях индивида и свободной ассоциации освобождённых индивидов.

естественна для индивида. Неповиновение всякой форме принуждения является инстинктивным его проявлением. Бунт и революция — более или менее осознанными попытками достичь его. Те манифестации, индивидуальные и общественные — фундаментальные проявления человеческих ценностей. То, что эти ценности могут пестоваться, сообщество должно понять, что его величайшее и долговечное богатство — это единица, индивид.

В религии, как и в политике, люди говорят об абстракциях и считают, что занимаются реальностью. Но когда дело доходит до реального, большинство людей, кажется, теряют с ним живую связь. Вполне может быть, что это потому, что в этом слишком много фактов, это слишком холодно, чтобы заинтересовать людей. Оно может вызвать энтузиазм лишь темами вне общих мест, вне обычного. Иными словами, идеал — это искра, которая разжигает воображение и сердца людей. Некие идеалы должны пробудить человека от инертности и дремоты его существования и превратить из несчастного раба в героическую фигуру.

Именно тут, конечно, появляется марксистский обвинитель, который перемарковал самого Маркса. Для него, человек — это просто кукла в руках этого метафизического всемогущества, называемого экономическим детерминизмом или, более вульгарно, классовой борьбы. Человеческая воля, индивидуальная и коллективная, его психическая жизнь и умственная ориентация практически ничего не значат для нашего марксиста и не влияют на его концепцию человеческой истории. Ни один смыслённый студент не станет отрицать важность экономического фактора для общественного роста и развития человечества. Но лишь узкий и упёртый догматизм может продолжать оставаться слепым к роли, играемой идеей, порождённой воображением и вдохновением индивида.

весь «индивидуализм» для хозяев, в то время как люди были унижены до касты рабов, чтобы прислуживать «сверхлюдям» в их поисках себя. Америка, возможно, является наилучшим примером этого сорта индивидуализма, во имя которого защищаются и выдаются за ценности политическая тирания и социальное угнетение; в то время как всякое возмущение и попытки добиться свободы и общественной возможности жить объявляется «неамериканским» и злом во имя всё того же индивидуализма.

Было время, когда государство было неизветсным. В своих естественных условиях человек существовал безо всякого государства или организованного правительства. Люди жили семьями в небольших сообществах. Они обрабатывали почву и занимались искусствами и ремёслами. Индивиды, а затем и семья, были единицами общественной жизни, где каждый был свободен и равен соседу. Человеческое общество тогда было не государством, но ассоциацией, добровольной ассоциацией ради взаимной защиты и выгоды. Старейшины и более опытные члены были проводниками и советчиками для людей. Они помогали справляться с жизненными проблемами, а не правили и угнетали индивида.

Политическое правительство и государство были куда более поздним развитием, выросшим из желания сильных получить преимущество над слабыми, меньшинства над большинством. Государство, еkkлезиастическое или мирское, служило для того, чтобы придавать вид легальности и права несправедливости, причинённой меньшинством большинству. Вид права был необходим, чтобы легче править людьми, поскольку ни одно правительство не может существовать без людского согласия, согласия открытого, молчаливого или предполагаемого. Конституционализм и демократия являются современными формами этого,

якобы, согласия; согласия, привитого и индоктринированного тем, что называется «образованием», дома, в церкви и всякой другой сфере жизни.

Это согласие есть вера в авторитет, в его необходимость. В его основании находится учение, что человек зол, страшен и слишком неспособен знать, что хорошо для него самого. На всём этом основывается правительство. Бог и государство существуют и поддерживаются благодаря этой догме.

Однако, государство – не более, чем название. Это абстракция. Подобно всякой подобной концепции – нации, расе, человечеству – у него нет органической реальности. Называть государство организмом выказывает лишь разительную тенденцию делать из слов фетиши. Государство – название для законодательной и административной машинерии, через которую пропускаются определённые дела людей, и то плохо. Нет ничего священного, святого или мистического в государстве. В государстве не более разумности или моральной миссии, чем в коммерческой компании для угольной шахты или работы железных дорог.

Государство обладает не большим существованием, чем боги или дьяволы. Они также являются отражениями и созданиями человека, ибо человек, индивид, является единственной реальностью. Государство – лишь тень человека, тень его замутнённости, его невежества и страха.

жизнь начинается и заканчивается с индивидом. Без него нет расы, нет человечества, нет государства. Нет, даже «общество» невозможно без человека. Это индивид, который живёт, дышит и страждет. Его развитие, его возможности были продолжающейся борьбой против фетишей, созданных им самим, а в частности и против государства.

нуждения — будь она чёрная, как фашизм, коричневая, как нацизм или красная, как большевизм. Это власть, которая коррумпирует и унижает и хозяина, и раба, и нет различия владеет ли властью автократ, парламент или советы. Более вредная, чем власть диктатора, власть класса; самая ужасная — тирания большинства.

Долгий исторический процесс научил человека, что разделение и распри означают смерть, и что единство и сотрудничество способствуют его целям, приумножают его силу и увеличивают его благосостояние. Дух правительства всегда работал против общественного применения этого жизненного урока, за исключением моментов, когда он служил государству и его собственным частным интересам. Это анти-прогрессивный и анти-социальный дух государства и привилегированных каст за ним ответственен за жестокую борьбу человека против человека. Индивид и всё больше группы индивидов начинают видеть под поверхностью устоявшегося порядка вещей. Они более не ослеплены ни сиянием и блеском государственной идеи, ни «благами безоглядного индивидуализма». Человек тянется к более широким рамкам человеческих отношений, которые могут быть созданы лишь свободой. Ибо истинная свобода — это не кусок бумаги, называемый «конституцией», «легальное право» или «закон». Это не абстракция, произведённая от не-реальности, известной как «государство». Это не негативная свобода, когда ты свободен от чего-либо, ибо с такой свободой можно и погибнуть с голода. Реальная свобода, истинное освобождение позитивно: это свобода для чего-либо, это свобода быть, делать; короче, свобода актуальной и активной возможности.

Этот вид свободы — не подарок, это естественное право человека, каждого человеческого существа. Его нельзя дать: оно не может быть присвоено каким-либо законом или правительством. Нужда в нём, стремление к нему

Борьба индивида против этих возмутительных нападков тем более трудна — слишком опасна она для жизни и сохранности — т.к. это не правда и не неправда, что служит критерием для его сопротивления. Это не годность и не польза его мыслей и действий, которая поднимает против него силы государства и «общественного мнения». Преследование новатора и протестующего всегда вдохновлялось страхом организованного авторитета, испуганного сомнениями в своей непогрешимости и подрыва своей власти.

Истинное освобождение человека, индивидуальное и коллективное, заключается в эмансипации от авторитета и веры в него. Человеческая эволюция была борьбой в этом направлении и ради этой цели. Не изобретения и не механизмы создали это движение. Способность путешествовать на скорости 100 миль в час — не доказательство цивилизованности. Истинная цивилизация измеряется индивидом, единицей всей общественной жизни; его индивидуальностью и границами, в которых она свободна расширяться без препятствий со стороны внешнего и принудительного авторитета.

Говоря социально, критерий цивилизации и культуры есть уровень свободы и экономических возможностей, которыми пользуется индивид; общественного и интернационального единства и кооперации не ограниченной человеческими законами и иными искусственными помехами; отсутствием привилегированных каст и реальностью свободы и человеческого достоинства; короче, истинной эмансипацией индивида.

Политический абсолютизм был упразднён потому, что люди поняли со временем, что абсолютная власть зла и разрушительна. Но это же утверждение верно касательно всей власти, будь то власть привилегий, денег, священника, политика или так называемой демократии. В её влиянии на индивида не играет роли, каков частный характер при-

В былые дни религиозные авторитеты формировали политическую жизнь по образу церкви. Авторитет церкви, «права» властителей снисходили свыше, власть, равно как и вера, были божественны. Философы писали толстые книги, чтобы доказать священность государства; некоторые даже снабдили его непогрешимостью и бого-подобными атрибутами. Некоторые договорились до безумного представления, что государство — это «сверх-человек», высшая реальность, «абсолютное».

Вопросы преследовались подобно богохульству. Услужливость была высочайшей благодетелью. С такими представлениями и муштрой определённые вещи стали сами собой разумеющимися, освящёнными своей правдой, но (sic) по причине постоянного и продолжающегося повторения. Весь прогресс был, в сущности, демаскировкой «божественности» и «тайнства» предположительно святой, вечной «правды»; он был постепенным уничтожением абстрактного и замещение его реальным и конкретным. Короче, борьбой фактов против выдумок, знания против невежества, света против тьмы.

Это медленное и напряжённое освобождение индивида не было завершено при помощи государства. Напротив, это было продолжающимся конфликтом, борьбой не на жизнь, а на смерть с государством, в котором удавалось малейшее продвижение в сторону свободы и независимости. Человечеству стоило много крови и времени утвердить то небольшое, что было до сих пор отвоёвано у королей, царей и правительств.

Великой героической фигурой этой долгой Голгофы был Человек. Это всегда был индивид, часто одинокий и покинутый, иногда — в союзе и сотрудничестве с другими своего вида, кто боролся и истекал кровью в вековой борьбе против угнетения, против властей, которые поработали и унижали его. Более того и ещё более явно: это был

человек, индивид, чья душа бунтовала против несправедливости и унижения, это был индивид, которому пришла в голову идея о сопротивлении условиям, в которых он мучился. Короче, всегда индивид является родителем как освобождающей идеи, так и освобождающего действия.

Это относится не только к политической борьбе, но и ко всей общности человеческой жизни и усилиям, во все времена и повсюду. Это всегда был индивид, человек с сильным разумом и волей к свободе, кто проложил дорогу всем человеческим возможностям, всем шагам в сторону более свободного и лучшего мира; в науке, философии и искусствах, равно как и в промышленности, где гений возносился в высь, создавая «невозможное», показывая его реализацию и заражая остальных своим энтузиазмом к работе и стремлением к ней. В общественном смысле, это всегда был пророк, провидец, идеалист, кто мечтал о мире, более близком желаниям его сердца, и служил маяком на пути к дальнейшим достижениям...

Государство, каждое правительство каких угодно формы, характера и цвета — будь оно абсолютистским или конституционным, монархией или республикой, фашистским, нацистским или большевистским — по самой своей природе консервативно, статично, нетерпимо к изменениям и противится им. На какие изменения оно бы ни пускалось, они всегда являются результатом давления извне, давления, достаточно сильного, чтобы — мирно или иначе, в целом «иначе», т.е. путём революции — убедить правящие силы утвердить изменения. Более того, исконный консерватизм правительства, авторитета любого толка, неизбежно становится реакционным. По двум причинам: во-первых, потому что в природе правительства не только хранить силу, которой оно обладает, но и увеличивать, расширять и увековечивать её, как в национальных, так и в интернациональных рамках. Чем сильнее становится

мя такими же де-персонализированными человеческими существами.

У интеллектуального пролетария, хотя он и считает себя ошибочно свободным агентом, дела едва ли лучше. У него тоже есть лишь маленький выбор в его отдельной области, как у его брата, работающего руками. Материальные вопросы и желание большего социального престижа обычно являются решающими факторами при выборе интеллектуальной профессии. Добавьте к этому стремление следовать семейной традиции и становиться врачами, адвокатами, учителями, инженерами и т.д. Монотонность требует меньше усилий и индивидуальности. Следовательно, почти всякий находится не на своём месте при современном положении вещей. Массы развиваются медленно отчасти потому, что умы их затемнились умерщвляющей рутинной работой и потому, что вынуждены выживать. Это сливается с возросшей силой политической фабрики сегодняшнего дня. В её структурах нет места свободному выбору независимой мысли и дела.

Интересы государства и интересы индивида различаются фундаментально и антагонистичны друг другу. Государство и политические и экономические институты, которые оно поддерживает, могут существовать лишь формируя индивида по своим собственным нуждам; уча его уважать «закон и порядок», уча его послушанию, подчинению и неприкословной вере в мудрость и справедливость правительства; кроме того, лояльной службе и полному самопожертвованию, когда государство это приказывает, как на войне. Государство ставит себя и свои интересы даже выше притязаний религии и Бога. Оно преследует религиозные или аргументы совести в пользу индивидуальности, т.к. Без свободы нет индивидуальности, а свобода — наибольшая опасность для авторитета.

существование получила биологическое и социологическое дополнение от анархистского учёного и мыслителя. В своём глубоком труде «Взаимопомощь» Кропоткин показывает, что и в царстве животных, и в человеческом обществе кооперация — противопоставленная между собой и борьбе — работала на выживание и эволюцию вида. Он показал, что лишь взаимная помощь и добровольная кооперация — а не всемогущее, разрушающее всё государство — могут создать основу для свободного индивида и жизни в сообществе.

В настоящий момент индивид является пешкой для приверженцев диктатуры и столь же одержимых приверженцев «безоглядного индивидуализма». Алиби первых — это стремление к новым целям. Последние же даже и не притязают на что-то новое. В подтверждение этому «безоглядный индивидуализм» ничему не научился и ничего не забыл. Под его предводительством всё ещё продолжается жестокая борьба за физическое выживание. Каким бы странным это ни показалось, и каким бы глубоко абсурдным это ни было, борьба за физическое выживание весело продолжается, хотя необходимость в ней давно пропала. В самом деле, борьба ведётся отчасти потому, что необходимости в ней нет. Не доказывает ли это так называемое перепроизводство? Не является ли мировой кризис ясно демонстрацией того, что борьба за выживание продолжается благодаря слепоте «безоглядного индивидуализма», грозящего уничтожить самого себя?

Одной из безумных характеристик этой борьбы является полнейшее отрицание отношения производителя к вещам, им производимым. Простой рабочий не имеет внутренней точки соприкосновения с промышленностью, в которой он занят, он чужой в процессе производства, в котором он является механической частью. Как и всякая другая шестерёнка машины, его можно заменить в любое вре-

правление, чем больше государство и его сила, тем менее оно может терпеть подобного авторитета или политической силы рядом с собой. Психология правительства требует, чтобы его влияние и престиж постоянно росли, как дома, так и за рубежом, и оно использует для этого каждую возможность. Эта тенденция мотивирована финансовыми и материальными интересами, стоящими за правительством, которые оно представляет и обслуживает. Фундаментальный *raison d'être* каждого правительства, на который, что показательно, закрывали глаза историки прошлого, стал слишком очевидным, чтобы его игнорировать, даже для профессоров.

Другим фактором, который заставляет правительства становиться всё более консервативными и реакционными — это их исконное недоверие к индивиду и страх перед индивидуальностью. Наш политический и социальный порядок не может допустить терпимости к индивидуальности и его постоянному стремлению к новшествам. Следовательно, государство угнетает, преследует, карает и даже разрушает индивида жизни в порядке «само-обороны». Ему помогают в этом учреждения, предназначенные для сохранения существующего порядка. Оно прибегает ко всякой форме насилия и силы, а его успехи поддерживаются «моральным возмущением» большинства против еретиков, инакомыслящих и политических бунтарей — большинство, веками воспитываемое в почтении к государству, натренированное в дисциплине и подчинении, подчиняющееся страху перед авторитетом дома, в школе, в церкви и в прессе.

Сильнейшая защита авторитета — в однообразии; малейшее отклонение от него — уже великое преступление. Всеобщая механизация современной жизни повысила однообразие в тысячи раз. Оно вездесуще, в привычках, вкусах, одежде, мыслях и идеях. Его самый концентрирован-

ный мрак — в «общественном мнении». Лишь у немногих достаточно смелости восстать против него. Тот, кто отказывается признать его вдруг называется «неудобным», «другим» и отклеветывается как мешающий элемент в удобной стагнации современной жизни.

Возможно, даже больше, чем организованный авторитет, угнетают индивида общественное однообразие и одинаковость. Все его «уникальность», «отдельность» и «отличие» делают его чужаком, не только в его родном городе, но даже в его доме. И зачастую больше, чем иностранца, который в целом больше приспособлен.

В истинном смысле слова, чья-то родина с её фоном из традиций, детскими впечатлениями, реминисценциями и другими милыми сердцу вещами, недостаточна для того, чтобы заставить чувствительного человека чувствовать себя как дома. Определённая атмосфера «принадлежности», сознание «одним» с людьми и окружением, более существенно для ощущения дома. То же относится и к отношениям с семьёй, близкому кругу знакомых, равно как и к более широкой сфере жизни и деятельности, которая обычно называется чьей-то страной. Индивид, чьё видение охватывает весь мир, часто нигде не чувствует себя столь стеснённым и лишённым контакта с окружением, как в на родине.

В довоенное время индивид мог, в худой конец, избежать национальной и семейной тоски. Целый мир был открыт его стремлениям и целям. Теперь мир стал тюрьмой, а жизнь — постоянным одиночным заключением. В особенности это стало правдой с появлением диктатуры, правой и левой.

Фридрих Ницше называл государство хладнокровным чудищем. Как мы могли бы называть чудище, таящееся за нарядом современной диктатуры? Не то, чтобы правительство когда-либо особенно давало индивиду жить своей

жизнью, но чемпионы нового государственной идеологии не позволяют даже этого. «Индивид — это ничто», говорят они. «Всё, что важно — это коллектив». Ничто меньшее, чем полнейшая капитуляция индивида, не удовлетворит ненасытный аппетит нового божества. Достаточно странно, но самые шумные адвокаты этого нового песнопения обнаруживаются среди британской и американской интеллигенции. Вот сейчас они вооружены «диктатурой пролетариата». Только в теории, разумеется. На практике, они всё же предпочитают немного свобод в своих собственных странах. Они едут в Россию с коротким визитом или как торговцы «революцией», но дома они чувствуют себя более надёжно и комфортно.

Возможно, что это не только недостаток смелости, который удерживает этих добрых британцев и американцев в их странах скорее, чем в светлом будущем. Подсознательно тут, возможно, проскакивает чувство, что индивидуальность остаётся наиболее фундаментальным фактом в человеческом сообществе, угнетённая и преследуемая, но никогда не побеждённая, а когда-нибудь — и победитель.

«Человеческий гений», что всего лишь ещё одно имя для личности и индивидуальности, пробивает себе дорогу сквозь пещеры догм, сквозь толстые стены традиции и привычки, сметая все табу, оставляя авторитет ни с чем, сталкиваясь с насмешками и препонами — чтобы быть названным грядущими поколениями пророком и мучеником. Но для «человеческого гения», этой естественной, постоянной черты индивидуальности, мы всё ещё бродим по первобытным лесам...

Пётр Кропоткин показал, какие замечательные результаты были достигнуты этой уникальной силой человеческой индивидуальности, если она усиливалась сотрудничеством с другими индивидуальностями. Односторонняя и совершенно неадекватная теория Дарвина о борьбе за